

- Быстрых Ф. П.* Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск ; М., 1933.
- Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс (1918–1920): социально-политические изменения. М., 1974.
- Гольдич Е.* Из истории уральских заводов : (по жандармским обзорам) // Красный архив. 1936. № 1 (74). С. 66–91.
- Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О. А. Васьковский [и др.].* Свердловск, 1969.
- Гуковский А. И.* Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.
- Кашеваров М. С.* Борьба за советы на Урале // Исетский край : сб. краевед. ст. Вып. 2. Шадринск, 1931. С. 1–24.
- Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957.
- Недолин И.* Рейд Блюхера. Уфа, 1932.
- Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
- Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры / В. З. Дробин-жев [и др.].* М., 1975.
- Рычкова Г. П.* Красная гвардия на Урале. Свердловск ; М., 1933.
- Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале. Свердловск ; М., 1930.
- ЦДОСО. Ф. 41* (Карты, схемы дислокации частей 3-й армии; Письмо Р. Березина П. Кобозеву от 26 июня 1918 г.). Оп. 1. Д. 111.

Статья поступила в редакцию 15.01.2010 г.

УДК 94“19”(560) + 28

С. С. Бороздин

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ПАНИСЛАМИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ (НАЧАЛО XX В.)

Рассматриваются проблемы, связанные с визитами подозреваемых в панисламизме турецких эмиссаров в Туркестанский край с целью сбора пожертвований в пользу Турции. Описываемые в официальных документах события, как правило, ничего общего с реальными фактами не имели, хотя противостояние администрации генерал-губернатора и коренного населения в действительности существовало.

Ключевые слова: Туркестан, панисламизм, турецкие эмиссары.

Двадцатый век внес существенные перемены в общественную жизнь Туркестанского края. Под влиянием Первой русской революции происходит окончательное становление мусульманского реформаторского (джадидистского¹) движения. Его представители активно включаются в политическую жизнь, налаживая связи с мусульманской фракцией I Государственной думы и партией конституционных демократов. В это же время на имперской политической арене появляется фигура П. А. Столыпина, который сыграет крайне неоднозначную роль в судьбе Туркестана. Его первые шаги в данном направлении служат

¹ От арабского и персидского «джадид» — новый.

ярким тому подтверждением. Согласно избирательным законам, изданным после роспуска II Государственной думы, Туркестан лишился права избрания делегата в представительный орган, тем самым фактически низводился до уровня колонии. В официальный обиход применительно к среднеазиатским владениям внедряются специфические понятия «плантаторское хозяйство» и «туземное население».

Но едва отгремела Русская революция, на берегах Босфора заявили о себе младотурки, положившие конец казавшемуся незыблемым на протяжении трех десятилетий режиму Зулюм. Младотурецкая революция, как и события в соседнем Иране, произвели сильное впечатление на российскую правящую элиту и заставили ее обратить еще более пристальное внимание на настроения своих подданных-мусульман. Именно тогда Столыпиным был поднят вопрос о возможности распространения среди российских паломников-мусульман, отправлявшихся в хадж, идей панисламизма² и пантюркизма.

В предписании, направленном в октябре 1910 г. туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову, утверждалось: «По доставленным министерству сведениям руководители младотурецкого движения, не ограничиваясь в пропаганде своих идей пределами Турции, решили способствовать возрождению ислама и в других странах, и в частности развивать панисламистскую и пантюрокскую идею в России. С этой целью младотурецкие вожди послали в Россию под видом купцов, возвращающихся из Мекки богомольцев и т. п. лиц ряд начитанных и преданных новым идеям ходжей для проповеди среди наших мусульман теории о единстве всего мусульманского мира. Посылаются эти, опасные для единства нашего государства, проповедники большею частью на Волгу, в местности со значительным татарским и вообще мусульманским населением, затем в Крым, на Кавказ и в Туркестанский край» [Столыпин о политике Турции].

В заключение министр внутренних дел указывал на необходимость «установить самое тщательное наблюдение за появлением означенных лиц из Турции и при обнаружении оных принимать безотлагательно решительные меры для выдворения их за пределы империи» [Там же]. Имеющиеся туркестанские материалы позволяют сделать вывод, что в носители подобного рода идей зачислялись, за редким исключением, все сторонники реформистского направления. Исполняющий обязанности полицмейстера старого Ташкента капитан Колесников в своем донесении на имя начальника Туркестанского охранного отделения от 9 декабря 1910 г. разоблачает группу из 20–25 человек, фамилии которых ему не известны. По его словам, помимо реформаторских идей, они на своих тайных собраниях обсуждают возможность проведения переворота по примеру младотурок. Членам этой же группы он приписывает подачу в Учебное ведомство Сырдарьинской области ходатайства о необходимости введения новой школьной программы. Под текстом ходатайства якобы подписались все

² Данное определение было дано идеям политического объединения мусульман под властью султана-халифа, разработанным Джемал-ад-дином аль-Афгани.

участники группы, хотя Колесников оговаривается, что самого документа не видел. Свое донесение он подытоживает такой фразой: «Насколько мои сведения могут грешить с действительностью — я не знаю, но я убежденно говорю, что связь туземцев с Турцией, идея объединения мусульманства существует и здесь. Надо ожидать, что с возвращением «ходжей» движение усилится» [ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1280, л. 26]. Не требуется особых доказательств, чтобы понять уязвимость подобного рода доводов. Хотя бы потому, что люди подали прошение о реформе образования и открыто подписались под ним, можно судить, что революционерами-подпольщиками они себя отнюдь не считали.

Подозрения в панисламизме не миновали и Абдул-Ахада, эмира бухарского. Почвой для них послужило пожертвование самим эмиром и его визирем (куш-беги) средств на строительство Хиджазской железной дороги. Согласно содержанию доклада, подготовленного канцелярией туркестанского генерал-губернатора для военного министерства, этот щедрый жест несомненно был направлен «на поддержание и процветание ислама всего мира» [Там же, ф. И-2, оп. 2, д. 369, л. 3–3 об.].

Далее следовали намеки касательно встречи эмира с крымско-татарским публицистом Исмаилом Гаспринским и желания быть ближе к Йылдыз-киоску³, которое могло руководить Абдул-Ахадом во время его ежегодных поездок в Ялту. Следует заметить, что о паломниках, в том числе российских мусульманах, для которых пуск поездов до Медины и Мекки мог значительно облегчить и обезопасить путешествие, не говорилось ни слова.

Было бы, конечно, ошибкой полностью отрицать наличие в Туркестане элементов, сочувствовавших младотуркам. В Бухаре имелось даже отделение партии «Единение и прогресс», возглавляемое известным просветителем Абдурауфом Фитратом. Но, по заверению российского политического агента, «прогрессивный элемент не мог похвастаться своей многочисленностью и подавлялся консервативно настроенной общей массой косного туземного населения, находящегося в подчинении у невежественного духовенства, которое, заботясь о сохранении своей власти над толпой, всеми силами стремилось в корне подорвать все прогрессивные начинания» [Там же, ф. И-461, оп. 1, д. 1919, л. 82 об.]. Главными задачами бухарских «иттихадистов» являлись сбор пожертвований в пользу ЦК партии и отправка местной молодежи на учебу в Стамбул. На деятельность бухарского отделения «Иттихад ве тераки» русские власти не обращали особого внимания вплоть до 1914 г., когда оно в условиях начавшейся войны продолжило отправлять деньги в Стамбул через посредничество турецкого посла в Тегеране.

В генерал-губернаторстве события развивались иначе. В период премьерства Столыпина и после его смерти панисламизм приобретает для полицейских органов Туркестанского края характер настоящего наваждения. Велись слежка и активный сбор досье на влиятельных и уважаемых в местной среде

³ Летний дворец турецких султанов, служивший постоянной резиденцией Абдул-Хамида II (1876–1909).

лиц, при этом даже однократное посещение человеком Стамбула или Мекки усиливало сомнения в его лояльности России. Основываясь на материалах конкретного дела, можно попытаться выяснить, что могло скрываться за понятием «панисламизм».

В фондах Государственного архива Узбекистана сохранились материалы переписки между начальником жандармского управления Среднеазиатской железной дороги, заведующим розыскным пунктом города Верного и начальником Туркестанского охранного отделения. Касаются они вопроса благонадежности М. Т. Танышпаева, избравшегося депутатом от Семиреченской области во II Государственную думу. Инженер путей сообщения Танышпаев попал в поле зрения охранного отделения в связи с организацией в Верном «панисламистской группы» под руководством татарина Кудуса Габдулвалиева, состоявшего на службе в 20-м Туркестанском стрелковом полку. Ее участники, как следовало из официального донесения, «собирают деньги для отправки киргиза Копальского уезда Бардыбека Сыртанова (отставного чиновника туземной администрации. — С. Б.) в Петербург с целью войти в сношения с мусульманской фракцией Государственной думы по вопросам, враждебным существующему государственному порядку и спокойствию» [ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1228, л. 50].

Факт готовящейся поездки подтверждался материалами изъятой у Габдулвалиева переписки. Между тем весомых доказательств для обвинения в панисламизме этот обыск не принес, как и аналогичные мероприятия на квартирах лиц, с которыми велась переписка, а также в доме самого Сыртанова. Впрочем, свою неудачу представители охраны объясняли несвоевременностью действий друг друга. Они продолжали придерживаться версии о возложенной на Сыртанова тайной миссии вопреки показаниям свидетелей, называвших целью поездки ходатайство о решении земельного вопроса и реорганизации школьного дела.

В данном случае киргизы Семиреченской области действовали по примеру кочевников Степного края, недовольных отчуждением своих исконных земель в процессе реализации аграрной реформы. Кстати, по поводу Сыртанова заведующий розыскным пунктом Верного ротмистр Астраханцев пишет: «Сыртанов, старавшийся и раньше склонить киргиз к оседлости и защищать их интересы, становится официальным их уполномоченным» [Там же, д. 1172, л. 273 об.].

Из этого можно заключить, что целью поездки являлось наделение местного населения землей на тех же основаниях, что и приезжавших сюда русских крестьян-колонистов. Более того, Сыртанов извещал об этом военного губернатора и охранное отделение Верного, но представителей властей такое объяснение почему-то не устроило.

Почти в то же самое время казахи Чимкентского уезда Сырдарьинской области избрали делегата для поездки в Петербург, вручив ему аналогичные прошения. Хотя здесь речь о панисламизме, по крайней мере в официальной переписке, не велась, но соответствующее расследование по приказу военного губернатора было проведено. Как и в Семиреченской области, компрометирующих материалов не нашли. В письме военному министру губернатор сетует,

что, несмотря на свое желание, не имеет законных оснований воспрепятствовать отправке просителя в столицу. Больше всего он беспокоится из-за подачи жалобы на злоупотребления его администрации, а также потому, что «это едва ли будет содействовать благолепию предстоящего Всероссийского торжества празднования 300-летия Царствования Дома Романовых» [ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1174, л. 27 об.].

Понятно, что если подобные поездки и нарушали чье-то спокойствие, то уж точно не представляли опасности для существовавшего строя. Просто определенным должностным лицам было очень удобно прикреплять ярлыки, тем самым перекладывая на кого-то ответственность за собственные просчеты, не желая разбираться в причинах происходящего или банально стараясь выслужиться. Этим объясняется и растущее на протяжении предвоенных лет недоверие к администрации генерал-губернатора со стороны коренного населения края. У жителей Туркестана стало складываться ощущение, что от властей в любом случае нельзя ожидать ничего хорошего. Об этом говорят и действия проходившего по «панисламистскому делу» в Верном Кудуса Габдулвалиева. К слову, его зять Зайнетдин Гайзетдинов тоже заслужил репутацию яркого панисламиста только за то, что протестовал против установки в медресе царских портретов [см.: Там же, д. 1872, л. 48 об.—49]. С позиции мусульманина этот акт вполне понятен, так как ислам не одобряет изображений людей, тем более их нахождение в религиозном учреждении. Подобный инцидент едва ли оставил бы заметный след в случае хотя бы поверхностного знакомства с местными традициями. Но в глазах представителей охранного отделения данный эпизод перерос практически в призыв к свержению русской власти.

В переписке Габдулвалиева также не содержалось ничего предосудительного, тем не менее он всеми путями, в том числе и подкупом жандармов, пытался ее вернуть, чем конечно же только усилил подозрения в свой адрес.

На данном примере видно, как росло непонимание между администрацией края и представителями коренного населения. Сначала этот процесс развивался на местном уровне, что побуждало выборных ходоков искать правду в столице. Но после того как Сыртанов и многие подобные ему вернулись ни с чем, а переселенческое управление продолжало изымать земли под новые русские поселения, доверие к русской власти исчезло в принципе. Именно это обстоятельство послужило одной из главных причин восстания 1916 г., в котором по уже сложившейся традиции обвинили распропагандированных турецкими эмиссарами панисламистов.

Подозрения туркестанской администрации подогревались также в связи с периодическим появлением в крае турецких подданных. Турки, нужно сказать, приезжали сюда вполне легально, имея на руках, как правило, необходимые разрешения. Но вот их деятельность вызывала определенные вопросы и нередко противоречила заявленным целям поездки, среди которых наиболее часто фигурировали коммерческие дела.

Начальнику Туркестанского охранного отделения 15 ноября 1912 г. поступило секретное донесение, в котором сообщалось, что в казахском селении Сузак Чимкентского уезда «появилось до 15 человек турок, в которых население

усматривает турецких чиновников, прибывших для сбора денег для Турции, для чего со всего населения производится тайно от русских властей сбор денег по 2 рубля с каждой кибитки» [ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1174, л. 1]. Общая сумма сбора при таком раскладе должна была составить около сорока тысяч рублей.

Через две недели аналогичные сведения стали поступать из Закаспийской области. Заведующий розыскным пунктом Асхабада уведомляет департамент полиции о том, что среди мусульман области в пользу Турции начались денежные сборы, причем собранные деньги через доверенных лиц отсылаются в Баку турецкому консулу. Особенно активно сборы велись среди купцов, уроженцев Кавказа, и учащиеся двух медресе, которые получили отпечатанные в Тифлисе соответствующие воззвания [см.: Там же, д. 1170, л. 30].

По сообщениям из разных областей можно представить, что турецкие подданные буквально наводнили Туркестанский край.

В Сузакe полиция задержала восемь человек. Пятеро из них были снабжены турецкими документами, остальные персидскими. Двое, согласно их словам, направлялись в Бухару, но, будучи ограбленными, собирали милостыню. Третий побывал в Ферганской области, о чем свидетельствовало разрешение, выданное ее военным губернатором, и теперь направлялся в Тургайскую область якобы на поиски сына. Еще один отец с теми же намерениями направлялся из города Туркестан в Атбасар. Его спутник ехал из Туркестана в Акмолинск. Сведения о восьмом человеке ограничиваются именем, наличием турецкого паспорта и документов, подтверждающих его легальное пребывание в крае; откуда и куда он направлялся, источник умалчивает. Все эти странные персонажи удивительным образом оказались в одно время в одном месте, причем весьма удаленном от железной дороги, по которой они путешествовали.

Следственные действия показали, что местным жителям указанные лица представлялись турецкими чиновниками или служителями мечети Пророка из Медины. Рассказы о поисках сыновей, ограблении в поезде и о близости к гробнице пророка с полной уверенностью можно считать заранее придуманной легендой для жандармов и местных обывателей, а вот информация на счет турецких чиновников, возможно, и имеет под собой определенные основания.

Следствие также выявило, что данный эпизод отнюдь не единственный в своем роде. В том же месяце двое турок проследовали от Среднеазиатской железной дороги по направлению к Чуйской долине, появившись затем в Атбасарском уезде. Пятеро человек, порознь, ушли в пределы Перовского уезда [см.: Там же, д. 1174, л. 26–26 об.].

На территории Закаспийской области практически в то же самое время были замечены трое турок. Они выехали из Стамбула, сошли с парохода в Батуме, пересекли весь Кавказ и из Баку отплыли в Красноводск. Уже оттуда они направились через Асхабад в Мешхед и афганский Герат.

В Мерве под видом торговцев дынями появились два человека, также пытавшиеся организовать денежный сбор в пользу Турции (впрочем, безуспешно).

В Самарканде в доме одного из местных жителей останавливался на ночлег турецкий офицер. Полиция узнала об этом уже постфактум. Турок смог избе-

жать лишнего внимания со стороны агентов охраны и скрылся в неизвестном направлении.

Пролить свет на возникшую ситуацию и понять причины пристального внимания турок к Средней Азии помогает случай, произошедший в Красноводске. Местный купец Шариф Губаев с позволения уездного начальника занялся сбором средств для общества Красного Полумесяца. Узнав об этом, заведующий розыскным пунктом Асхабада собранные деньги в размере ста восьмидесяти трех рублей велел изъять [см.: ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1170, л. 30 об.], на том легальные сборы в Закаспийской области, к которым уже хотели подключиться и асхабадские купцы, закончились.

Столь резкое повышение интереса турок к Туркестану и различного рода сборы были продиктованы событиями на Балканах, называемыми в историографии Первой Балканской войной. Руководство Османской империи, раздираемой внутривосточной борьбой, экономическими проблемами и терпящей тяжелые поражения от коалиции Балканских стран, вероятно, стремилось задействовать в столь сложной обстановке любые каналы финансирования и сыграть на религиозных чувствах мусульман, объявив введомую им войну священной.

Здесь приведены далеко не все эпизоды. Кроме того, неизвестно, сколько турецких подданных посетило край инкогнито, не попав в поле зрения охранного отделения, да и попадались скорее всего наименее опытные эмиссары. Закаспийская область и казахские волости, по которым в фондах охранного отделения отложились наиболее подробные сведения, едва ли могли служить основными источниками пожертвований как по экономическим критериям, так и по степени религиозной образованности населения.

Заметного брожения в Туркестанском крае визиты турецких эмиссаров не вызвали. Некоторые эпизоды наблюдались лишь среди туркмен-текинцев и йомудов. Агенты охранного отделения докладывали: «в Асхабаде на базарах, особенно среди туркмен, идут разговоры о священной войне, о сборах и помощи Турции. Настроение повышено. Как действовать, туркмены хотят спросить у своих ишанов» [Там же, л. 33 об.].

Ходили даже слухи, что текинцы готовятся к большой войне с христианами, и в том случае, если Россия выступит против Турции, они в союзе с Афганистаном объявят ей джихад. При всем этом текинцы, как и йомуды, вели сбор денег, которые переправлялись затем в турецкое консульство в Баку. Местные шииты, стараясь, очевидно, насолить туркменам, говорили, что последние где-то в окрестных песках оборудовали многочисленные тайники с оружием. Впрочем, опыт последовавшей через два года войны показал, что с реальным положением дел указанные слухи имели мало общего.

Закономерно, что в официальных документах описанные выше события проходили под пометкой «панисламизм». К слову сказать, в проблеме распространения среди туркмен известий о Балканской войне и пробуждения у них сочувствия в связи с военными неудачами султанской армии власти усмотрели влияние вернувшихся из Мекки паломников.

Паломники и долгое время проживавшие в турецких пределах уроженцы Туркестана могли, конечно, служить для своих соплеменников важными

источниками информации об Османской империи. Нельзя отрицать и того факта, что турецкие эмиссары и сочувствующие Турции элементы вели на территории Туркестанского края определенную работу, в частности сбор денежных средств для нужд ЦК партии «Единение и прогресс», вооруженных сил Османской империи и организации Красного Полумесяца. Тем не менее делать выводы о серьезном влиянии Турции на ход событий в крае, во всяком случае — исходившей от нее реальной угрозе позициям русской власти в Туркестане, вряд ли возможно.

«...Опасные для единства нашего государства проповедники...» : П. А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме, 1910 г. // Архивы России. Издания и публикации / сост. Д. Ю. Арапов [М., 2004] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/stolipin.shtml> (дата обращения: 11.03.2010).

ЦГА РУз. Ф. И-2; И-461.

Статья поступила в редакцию 15.04.2010 г.

УДК 323(470) + 342.5 + 002 + 004.3

Е. П. Стрюкова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В СССР (1950-е — НАЧАЛО 1960-х гг.)

Рассматриваются вопросы появления нового направления в государственной политике СССР, значение этого направления для развития экономики страны. Анализируются документы, посвященные развитию науки и техники, автоматизации производственных процессов и управления; причины, послужившие основанием рассматривать электронно-вычислительную технику в качестве основного фактора экономического развития СССР. Говорится об изменениях, произошедших в этой связи в области образования и науки, о тенденциях в развитии процессов автоматизации.

Ключевые слова: научно-техническая политика; автоматизация управления; вычислительный центр.

Вторая четверть XX в. ознаменовалась бурным развитием науки и техники. В это время в науке начинают происходить изменения не только в отдельных областях, но и в средствах и методах научной деятельности в целом, меняется социальная роль науки. В технике появляется абсолютно новый тип оборудования, созданного с использованием новых технологических принципов. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. разрабатывается принципиально новый вид техники — автоматическая.